

Joanna Mianowska

Литературные реминисценции в романе Леонида Ржевского "Между двух звезд"

Acta Polono-Ruthenica 10, 51-58

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Joanna Mianowska
Bydgoszcz

Литературные реминисценции в романе Леонида Ржевского *Между двух звезд*

Имя Леонида Денисовича Ржевского (Суражевский) мало известно, не только в Польше. Лишь первооткрыватель литературы русского зарубежья в Польше, Люциан Суханек, называет Ржевского среди писателей второй волны эмиграции, заслуживающих внимания¹. Полякам Ржевский известен также по переведенному Брониславом Кодзисом лексикону русской литературы XX века Вольфганга Казака². Другие польские словари, лексиконы, энциклопедии, учебники, даже один из последних под редакцией Анджея Дравича, о Ржевском умалчивают.

Немного иначе обстоит дело с российскими источниками. В известной книге Глеба Струве Ржевский упоминается среди поэтов и писателей второй волны эмиграции, заслуживающих внимания³. Редактор „Граней” (1952–1955) и „Нового журнала” (1975–1976), основатель товарищества зарубежных писателей при Центральном объединении политических эмигрантов, прочно вошел со своим творчеством в новейшие российские словари и учебники⁴. Стоит, однако, отметить, что литература второй волны эмиграции – все еще неизученный материк в истории русской литературы XX века как в России, так и в Польше. Джон Глэд в предисловии к своей книге *Беседы в изгнании* пишет следующее: „Хотя во »второй волне« были представители интеллигенции, она в целом не обладала »критической массой«, необходимой для сохранения культурной традиции за рубежом”⁵.

¹ L. Suchanek, *Literatura rosyjska jest tam, gdzie znajdują się pisarze rosyjscy*, [w:] *Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej*, Kraków 1993, s. 16, 20.

² См.: W. Kasack, *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku*, przekład, opracowanie, bibliografia polska i indeks osób B. Kodzis, Wrocław 1996, s. 541–542.

³ Г. Струве, *Русская литература в изгнании*, Париж – Москва 1996, с. 258, 259, 353, 362, 381, 393, 401, 404.

⁴ См. *Русские писатели 20 века. Биографический словарь*, гл. ред. и сост. П. Николаев, Москва 2000, с. 591–592; В. Агеносов, *Литература русского зарубежья*, Москва 1998, с. 457–473.

⁵ Д. Глэд, *Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье*, Москва 1991, с. 12.

Продолжая, Диана Мышалова констатирует: „»Вторая волна« была сформирована в сталинские годы, она родилась и выросла в атмосфере »кислородного голодания« – без ограниченной культурной преемственности, без книг”⁶. Далее Мышалова заявляет, что литература второй волны „оказалась наименее продуктивной и интересной в плане литературы”⁷ и потому она к ней не обращается. Иначе подходит ко второй волне эмиграции Владимир Агеносов, который употребил заглавие книги Л. Ржевского *Между двух звезд* для названия раздела своей работы, посвященной литературе этого периода⁸. Отмечая большой вклад поэзии второй волны эмиграции и назвав круг авторов, ожидающих своих исследователей, Агеносов сосредотачивается на прозаическом наследии этого творчества. Прав исследователь, констатируя: „Типологически общим для лучших прозаиков второй волны является преодоление идеологической заморенности и страха, обретение героем новой общечеловеческой (христианской) нравственности”⁹. Метко назвал свое произведение сам Л. Ржевский – *Между двух звезд* (отредактированный вариант *Девушки из бункера*). В нем представлен своеобразный тернистый путь автобиографического героя. Опираясь на свой опыт, Ржевский затронул тематику плена и рассказал о „горячке и горечи бегства своих от своих”, о времени, когда жизнь зависела от двух пятиконечных звезд: красной – советской и белой – американской¹⁰.

Выпускник Московского государственного педагогического института имени Ленина, защитивший кандидатскую диссертацию о языке комедии *Горе от ума*, Ржевский читал лекции в Москве, Туле, Орехове-Зуеве, вел также курсы русского языка в Союзфильме. Этот опыт автор *Звездопада* использует на чужбине: курсы по русской литературе в Оклахомском университете (1963–1964), кафедры славянских литератур в Нью-Йоркском университете (1964–1974), а затем лекции в университетах Лунда, Стокгольма, Осло, Торонто, в Колумбийском, Йельском, Питтбургском, Норвичском, последний присвоил ему звание почетного доктора¹¹. Литературное образование и опыт наложили особый отпечаток на все

⁶ Д. Мышалова, *Очерки по литературе русского зарубежья*, Новосибирск 1995, с. 16.

⁷ Ibidem, с. 16.

⁸ В. Агеносов, *Между двух звезд. Вторая волна эмиграции*, [в:] В. Агеносов, *Литература...*, с. 383–473.

⁹ Ibidem, с. 393.

¹⁰ В. Синкевич, *Леонид Ржевский – писатель и человек*, [в:] Л. Ржевский, *Между двух звезд*, Москва 2000, с. 11.

¹¹ Ibidem, с. 9.

произведения Ржевского. Обратимся к его первому произведению *Между двух звезд* (вышло отдельной книгой в 1953 г.), которое понравилось строгому в своих оценках Ивану Бунину, писавшему: „В »Гранях« с большим интересом, а иногда и с волнением прочел *Между двух звезд*: ново по теме и есть горячие места...” (из письма Бунина Ржевскому от 21 января 1952 г.)¹².

Стоит отметить, что Ржевский был лично знаком с Буниным с 1952 года. Бунин высоко оценивал и творчество жены Ржевского, Аглаи Шишковой, называя ее „поэтессой с огненным именем”¹³. О Ржевском другой эмигрант Георгий Адамович писал следующее: „Душа и сознание у него [Ржевского – И.М.] очень русские, в чистейшем, хочется сказать, »вечном« смысле этого слова”¹⁴. Сказанное парижским критиком отражено и в романе *Между двух звезд*, о чем пойдет речь далее. Стоит подчеркнуть, что Ржевский увлекался художественным чтением (декламацией), на что обратила внимание еще Ольга Книппер-Чехова¹⁵. Автор *Звездопада* был также знаком с Владимиром Маяковским, Сергеем Есениным и многими другими художниками слова. Сказанное не могло не отразиться в написанном Ржевским. Произведениям Ржевского характерна ориентация на диалог с литературой не только русской, но и мировой. В его романе *Между двух звезд* можно отметить интертекстуальные элементы. Наталья Фатеева относит к ним следующие:

- цитаты в составе текста;
- литературные реминисценции и аллюзии;
- эпиграфы;
- пересказ чужого текста, встроенного в произведение;
- пародия чужого текста;
- так называемые „точечные цитаты” – имена литературных персонажей других текстов¹⁶.

В романе Ржевского *Между двух звезд* принципы цитации связаны с памятью. Литературные реминисценции раскрывают русскую душу, национальную духовность. Один из персонажей произведения – это

¹² Ibidem, s. 11.

¹³ В. Агеносов, *Вместо послесловия*, [в:] Л. Ржевский, *Между двух звезд...*, с. 635; о Аглае Шишковой см.: *Словарь поэтов русского зарубежья* под общей редакцией Вадима Крейда, Санкт-Петербург 1999, с. 340–34.

¹⁴ Г. Адамович, *Повести Л. Ржевского* „Новое русское слово”, 4 апреля 1961.

¹⁵ В. Агеносов, *Две строчки времени*, [в:] *Литература...*, с. 458.

¹⁶ См. Н. Фатеева, *Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи*, Изв. РАН. Серия литературы и языка, 1998(5), т. 57, с. 25–38.

Духоборов, техник-строитель, но и журналист, которому не чужды разные жанры – от некрологов до лирической поэмы¹⁷. Он обвиняет советскую власть во лжи и ненужном пафосе „распространяющем зловоние...”¹⁸.

Главный герой романа, Заряжский, читает своим товарищам по плену отрывки из Антона Чехова, стихи и поэмы. Он, как и сам Ржевский, любит русскую классическую литературу. Для раскрытия русского менталитета важен диалог Заряжского с Духоборовым, считающим, что „все русские – Карамазовы”. Духоборов заявляет: „Все мы Иваны или Дмитрии, Алеши или Смердяковы... *Братья Карамазовы* – ключ к русской душе. Если бы Достоевский только одно это открытие сделал, все равно оказался бы гениальнейшим из гениальных. Ключ! Ну, что такое, например, Русь советская, как не Ивано-смердяковщина? Несколько Иванов начали, Смердяковы продолжают”¹⁹. Ржевский, происходивший из семьи, проявлявшей интерес к литературе (бабушка писала детские рассказы, а ее сестра дружила с Иваном Тургеневым и печаталась под псевдонимом Нелидова), не мог не знать книги Михаила Бахтина *Проблемы творчества Достоевского*, как и ряда рецензий на эту работу. В одной из них Петр Бицилли задавался вопросом: „Почему мы не можем представить себе Ивана Карамазова без Дмитрия, без Алеши, без Федора Павловича, без Смердякова и т.д.?”²⁰. По мнению рецензента, ключ к разрешению этой проблемы находится у Бахтина „в его замечании о »вне-временном« восприятии мира у Достоевского»”²¹.

Владимир Набоков, который в своих лекциях по русской литературе „страстно” хотел „развенчать” Федора Достоевского, считал его, прежде всего, автором детективных романов, «мастером хорошо закрученного сюжета»²². Персонаж Ржевского, Духоборов, также говорит о Достоевском, авторе криминальных романов, без которого понять Россию и россиян невозможно. Ржевский в своем понимании русской литературы как выражения национального характера, вводит реминисценции, которые становятся авторским взглядом на национальное бытие и менталитет рус-

¹⁷ Л. Ржевский, *Между двух звезд...*, с. 70.

¹⁸ *Ibidem*, с. 111.

¹⁹ *Ibidem*, с. 152.

²⁰ П. Бицилли, Рец. на кн.: Бахтин М.М., *Проблемы творчества Достоевского*, Ленинград 1929, [в:] М. Бахтин: *Pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли, антология*, т. 1, Санкт-Петербург 2001, с. 190.

²¹ *Ibidem*.

²² В. Набоков, *Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев*, Москва 1996, с. 188.

ского народа. Его герой Духоборов в письме Заряжскому пишет: „... Россию бранили и те, кто любил ее до печенок...” и далее: „Вся Россия – бункер, а вот души испакостить четверть века не могут, как ни стараются”²³.

Считая, что душевный склад народов сказывается также в кладбищах, Ржевский вводит в сюжет романа литературные реминисценции, связанные с могилами Есенина, Валерия Брюсова, Чехова, Николая Гоголя, и других. Констатируя „порядок”, „заботливость” и „краткость” местного кладбища в занятом американцами Круммау, автор романа *Между двух звезд* противопоставляет ему московские кладбища: „У нас – запущенность, заброшенность, все ветхое, вкривь, вкось – и за душу хватает”. И опять же посредством литературных реминисценций осмысливается духовность, сложность национального бытия. Сознание повествователя подкреплено именами лучших русских художников слова. Московское Ваганьково, Новодевичий монастырь, Данилов монастырь с их известными „обитателями” – это глубокие корни, из которых выводится авторская концепция русского национального характера.

В романе Ржевского появляются отсылки к каноническим христианским текстам. Повествователь рассказывает о юности своего героя Заряжского следующее: „... Библия, Евангелие, Апокалипсис оказались такими нереальными, то наивными, то противоречивыми, и всегда – туманными, что он [Заряжский – И.М.] потерял интерес к такого рода чтению”²⁴. Война и плен существенно повлияли на переоценку юношеской позиции героя, который „снова взяв Евангелие и уже не пытаюсь проверять его скепсисом [...] вдруг уловил его внутреннюю покоряющую красоту. И красота эта как раз и заключалась в той »наивности и нереальности«, в которых открывались человеку мостики в »непостижимое»”²⁵. Путь Ржевского, героя Заряжского, к Богу, его перемена и духовное возрождение, напоминают чем-то судьбу эмигранта Бориса Зайцева, который из человека равнодушного к религии превратился в истинно верующего²⁶.

Ржевский обращается к Евангелию в романе не случайно. Священник-санитар с „книжечкой в черном переплете” напоминает юнца-гимназиста

²³ Л. Ржевский, *Между двух звезд...*, с. 259.

²⁴ Ibidem, с. 136.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Пор. J. Mianowska, *Русское религиозное сознание в изгнании (на материале тетралогии Б.К. Зайцева „Путешествия Глеба”)*, [w:] *Z polskich studiów slawistycznych. Prace na XIII Międzynarodowy Kongres Slawistów w Lublanie 2003*, Warszawa 2003, s. 203–210.

Бориса Пастернака в *Докторе Живаго*. Псалом 90-ый, зашитый и, наверное, защищавший от ранений, находит Живаго у раненого юнца и убитого партизана²⁷. У Ржевского Евангелие священника, попавшего в плен, помогает сохранить веру жаждущим утешения в последние минуты жизни. После смерти священника Евангелие было передано Заряжскому – это была книжечка с множеством пометок и с закладкой на пятнадцатую главу от Иоанна с подчеркнутой частью. „Больше сея любви никто же имат, аще кто душу свою положит за други своя”²⁸. Сам Ржевский был автором многих литературоведческих книг, в том числе работы *Язык и стиль романа Б. Пастернака „Доктор Живаго”* (1962). О влиянии Пастернака на Ржевского свидетельствует и то, что в свой роман Ржевский вводит сочиненные свои стихи²⁹.

Особую значимость у Ржевского приобретают и сюжеты, связанные с воспроизведением православных служб и праздников. Религиозная Милица, бывшая комсомолка, Плинк, выступающий „вроде проповеди” с речью к прихожанам в церкви, священник в серебряной ризе, женщины с иконами, мальчик с хоругвью – это авторское осмысление неуничтожаемых христианских ценностей. Память у Ржевского „отбирает” кульминационные моменты жизни. Они связаны с русским, но не советским менталитетом. Попав в Старгород, по словам Ржевского, „русский искони” город, повествователь отмечает его значимость в прошлом, упоминание о нем в древних летописях. И хотя в годы войны Старгород запущен, развален „... Старая Русь угадывалась все же в городе, дремала не в старине зданий, а в том, как просторно, в вековом своевольном беспорядке рассыпался он кривыми улочками по холмам и прибрежным скатам”³⁰.

Реминисценции у Ржевского часто сводятся к простым упоминаниям писателей, поэтов и, иногда, отрывков литературных произведений. Владимир Хализев справедливо считает: „Реминисценции составляют одно из звеньев содержательной формы литературных произведений [...]”. Выражая осмысление и оценку литературных фактов, реминисценции нередко оказываются неким подобием литературно-критических выступлений – своего рода критикой-эссеистикой, вторгшейся в мир собственно художественных текстов”³¹.

²⁷ Д. Лихачев, *Размышления над романом Б. Пастернака „Доктор Живаго”*, [в:] Б. Пастернак, *Доктор Живаго*, Санкт-Петербург 1998, с. 5–6.

²⁸ Л. Ржевский, *Между двух звезд...*, с. 135.

²⁹ *Ibidem*, с. 288.

³⁰ *Ibidem*, с. 223.

³¹ В. Хализев, *Теория литературы*, Москва 2002, с. 288, 289.

У Ржевского звучат имена Анны Ахматовой (с. 269, 319), Александра Блока (с. 269), В. Брюсова (с. 296), Александра Вертинского (с. 285), Михаила Волошина (с. 319), Н. Гоголя (с. 279), Максима Горького (с. 111), Александра Грина (с. 320, 341, 342), Сергея Есенина (с. 296, 321), Владимира Маяковского (с. 313, 286), Ивана Тургенева (с. 268), Федора Тютчева (с. 312), Антона Чехова (с. 297), Владимира Ходасевича (с. 320), Ильи Эренбурга (с. 287). Одним из интертекстуальных элементов в романе Ржевского можно считать реминисценции, связанные с *Алыми парусами* А. Грина, писателя, названного „романтиком”, „рыцарем крылатой мечты”, отрывок произведения которого встраивается в состав романа³².

В литературном процессе, как отмечает Хализев, „плодотворные влияния и заимствования »извне« являют собой созидательно-творческий контакт, разных, во многом не похожих друг на друга литератур”³³. Герой Ржевского, Заряжский, читает отрывок из *Фауста* Иоганна Вольфганга Гете на немецком языке, затем в музее он вспоминает монолог Жанны д’Арк из *Орлеанской девы* Фридриха Шиллера в переводе Василия Жуковского³⁴. Приведена и цитата из *Юлия Цезаря* Уильяма Шекспира, актуализация которой соотносится с вечными проблемами бытия – тайной смерти³⁵.

В романе сказано и о книге В. Шубарта *Европа и душа Востока* на немецком языке³⁶. *Дым* И. Тургенева, *Обрыв* Ивана Гончарова, *Анна Каренина* Льва Толстого – это лишь некоторые заглавия, отсылающие у Ржевского к другим произведениям. Роман Ржевского – это трактат о русской культуре. В нем, кроме литературных реминисценций, много сказано о составляющих душу народа песнях *Землянке*, *Однозвучно звенит колокольчик*, *Шумел камыш*, но и о петых во время богослужения *Херувимской* и *Итальянском Каприччио* Петра Чайковского, романсах Александра Вертинского – доказательство того, что вопреки «обратному ходу» времени, плену, большевизму, история русской культуры продолжалась.

В романе Ржевского *Между двух звезд* литературные реминисценции позволяют глубже познать русскую душу, корни национального бытия, культуры помимо полной трагизма жизни. Творчество художественного

³² Л. Ржевский, *Между двух звезд...*, с. 342.

³³ В. Хализев, *Теория литературы...*, с. 407.

³⁴ Л. Ржевский, *Между двух звезд...*, с. 172, 271.

³⁵ *Ibidem*, с. 319, 320.

³⁶ *Ibidem*, с. 306.

слова „второй волны” еще ждет своих исследователей, переоценок несправедливых мнений об этом героическом периоде, в котором, как пишет Ржевский, „жизнь превратилась в протокол – однообразную летопись смерти”³⁷.

³⁷ Ibidem, с. 107.

Streszczenie

Literackie reminiscencje w powieści Leonida Rzewskiego „Między dwoma gwiazdami”

L. Rzewskij to pisarz mało znany w Polsce. Jego literackie wykształcenie zaowocowało powieściami, nowelami, esejami literackimi. W powieści *Między dwoma gwiazdami* ważną rolę odgrywają reminiscencje literackie, które uwypuklają nieprzemijającą rolę kultury rosyjskiej mimo tragizmu wojny, niewoli niemieckiej i sowieckiej.

Summary

Literary reminiscences in the novel by Leonid Rzhnevsky "Between two stars"

Leonid Rzhnevsky is a writer little known in Poland. His literary activity resulted in many stories, novels and literary essays. In his novel *Between the two stars* an important role is played by literary reminiscences which emphasize the lasting significance of Russian culture despite the tragic sides of the war as well as the German and Russian captivity.